

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Российская научная доктрина международного экономического права

(к выходу из печати книги В.М. Шумилова «Международное экономическое право», в 2 томах, М.: изд-во «ДеКа», 2002)

Ковалев А. А.*

Первое издание книги-пособия известного юриста-международника В.М. Шумилова «Международное экономическое право», увидевшей свет в 1999 году, было замечено сразу же. И вот перед нами второе, переработанное и дополненное, издание этой книги, которое рекомендовано Ученым советом Всероссийской академии внешней торговли для студентов ВУЗов, обучающихся по специальности «Юриспруденция».

Справедливости ради надо отметить, что по своему строению и содержанию книга может стать подспорьем не только для студентов, обучающихся по курсу «Международное право», но и для студентов экономических факультетов ВУЗов, для преподавателей, научных работников, специалистов-практиков.

Проблематика международного экономического права в России (а раньше – в СССР) была – и во многом остается – недооцененной. Наше государство не сумело вовремя осмыслить значимость экономической дипломатии и в результате на долгие годы осталось на периферии политико-правовой инфраструктуры международных экономических отношений (МЭО).

Видные российские ученые-правоведы пытались привлечь внимание к проблемам международно-правового регулирования МЭО начиная с 70-х годов XX века.

---

* Александр Антонович Ковалев – д.ю.н., профессор Дипломатической Академии МИД России.

Как известно, сам вопрос о международном экономическом праве (МЭП) был поставлен Г.И. Тункиным и Е.Т. Усенко с идеями *международного торгового права* как отрасли международного права (МП) выступили Г.М. Вельяминов. (1972 г.), В.И. Лисовский. (1974 г.).

Работы Г.Е. Бувайлика, Д.И. Фельдмана, Б.М. Ашавского лежат у истоков советской доктрины МЭП. Особо следует отметить книги М.М. Богуславского (1986 г.), В.П. Шатрова (1990 г.), Г.М. Вельяминова (1994 г.), которые обогатили и развили представление о системе МЭП. Разделы о международном экономическом праве вошли практически во все современные учебники по международному праву.

Значительно активнее и полнее, надо признать, занимались проблематикой МЭП после второй мировой войны за рубежом. В ряду известных ученых, разрабатывавших различные концепции МЭП или отдельные его стороны, были Г. Шварценбергер, П. Рейтер, П. Верлорен ван Темаат, П. Пиконе, П. Фишер, Г. Эрлер, В. Фикентшер, П. Вейль, В. Фридман, М. Беланже и др.

Большую известность получил коллективный труд Д. Карро, П. Жюйара и Т. Флори, выдержавший несколько изданий в качестве учебника «Международное экономическое право». Последнее по времени – 4-е его издание вышло в 1998 году под авторством Д. Карро, П. Жюйара; оно было переведено на русский язык и выпущено издательством «Международные отношения» в 2002 году (переводчиком введения, первой части и редактором этого издания выступил, кстати, также профессор В.М. Шумилов).

Однако работы зарубежных авторов касались лишь отдельных аспектов МЭП либо откровенно, с доктринальных позиций, обслуживали государственные интересы только развитых государств. И в любом случае все они не учитывали и не учитывают то новое, что несет в международную жизнь ГЛОБАЛИЗАЦИЯ мировой экономики. Объективно встала необходимость в разработке российской концепции МЭП в меняющихся условиях МЭО и политической конфигурации мира.

Именно на выработку современных доктринальных основ российской науки международного экономического права были направлены работы профессора В.М. Шумилова: серия статей (журналы «Государство и право», № 7, 2000; «Московский журнал международного права», №3, 2000; № 2, 2001; «Право и политика» № 3, 2000; «Внешнеэкономический бюллетень», № 3, 2000; «Закон» № 5, 2000), книги и учебники, в том числе в соавторстве, монография «Международное

экономическое право в эпоху глобализации» (изд-во «Международные отношения», 2002) и, наконец, рецензируемый двухтомник «Международное экономическое право».

В этих работах фактически разработана и сформулирована новая – отвечающая складывающимся требованиям – российская доктрина международного экономического права. Доктрина, которая по ряду параметров позволяет преодолеть образовавшийся застой научно-правовой мысли, выводит на новые идеи применительно не только к МЭП, но и к международному праву в целом.

Книга строится на основе двух частей – *Общей части* (1 том) и *Особенной части* (2 том). В *Общую часть* включены темы: «МЭП и система МЭО», «Источники МЭП», «Субъекты МЭП и МЭО. Предметы международно-правового регулирования в МЭО», «Население и территория в МЭП и МЭО», «Экономическая интеграция государств в МЭП», «Международный экономический правопорядок и международная экономическая безопасность».

Особенная часть представляет собой изложение специфических вопросов и проблем правового регулирования МЭО. Автор обосновывает вычленение подотраслей МЭП: международного торгового права, международного инвестиционного права, международного финансового права, права международной экономической помощи, международного миграционного права. Каждая подотрасль рассматривается с точки зрения ее нормативного наполнения и правоприменения.

Прикладной характер подаваемого материала усилен особым вниманием вопросам, в которых МЭП стыкуется, соприкасается с системами внутригосударственного права.

Необычно структурное построение книги. Каждая рассматриваемая тема состоит из нескольких блоков:

- *содержательного* блока, в котором где коротко, а где обстоятельно раскрываются основные положения курса;
- *информационного* блока (он называется в книге «Дополнительная фактологическая информация»);
- блока «контрольных и развивающих тему вопросов»;
- блока рекомендуемой литературы.

Такая «архитектура» в методологическом построении курса открывает возможность и студенту (слушателю), и преподавателю расширить диапазон приемов и способов работы с материалом, его подачи и освоения.

Информационный блок содержит тщательно подобранный набор относящихся к теме фактов, примеров, выдержек из первоисточников, позволяющих проиллюстрировать содержательную часть, расширить взгляд на освещаемую тему, активизировать ее осмысление, продемонстрировать «выход» международного права на практические проблемы.

Блок «контрольных и развивающих тему вопросов» может быть использован как для самопроверки, так и в качестве основы для семинарских занятий, ситуационных построений, заданий.

В курсе выявляются характерные черты и особенности нынешнего этапа развития МЭП, делается попытка по-новому взглянуть на некоторые международно-правовые концепции и дать развернутый прогноз развития международной нормативной системы в XXI веке. Все это усиливает прикладную составляющую книги. Она, по сути, превращается в некое пособие-справочник; пособие, иллюстрирующее *доктрину*. В этом смысле книга далеко выходит за пределы пособия, представляя, на наш взгляд, солидный монографический труд, в котором на основе системного видения современных МЭО разработана четкая теоретическая основа решения конкретных проблем МЭП.

Очень важно, что в Заключении книги обобщены главные идеи доктрины. Остановимся коротко на ее основных положениях.

О системном подходе. Одно из главных достоинств доктрины – ее системный характер. Конечно, и в предыдущих работах российских юристов, посвященных МЭП, использовался системный метод исследования. Однако в доктрине профессора В.М. Шумилова системный взгляд пронизывает все аспекты: в качестве систем рассматриваются *международное разделение труда, международные экономические отношения, международное право, международное экономическое право*. Каждая система имеет подсистемы, и все они находятся во взаимодействии.

Так, в составе *международной системы* автор выделяет:

- международную *торговую* систему;
- международную *инвестиционную* систему;
- международную *финансовую* систему и т.д.

Составными частями каждой из вышеназванных систем выступают следующие компоненты:

а) *институционально-субъектный*; в качестве «действующих лиц» (используется термин «операторы») выступают и публичные, и част-

ные лица – государства, международные организации, неправительственные организации, субъекты федераций, многонациональные предприятия (ТНК/ТНБ), юридические, физические лица разных стран и др.;

б) *регулятивный*; это та часть системы (её подсистема), которая «обслуживает» трансграничное движение соответственно товаров, инвестиций, финансов: *международно-правовые нормы*, неправовые нормы, внутреннее право международных организаций («право ВТО», «право МВФ»), «мягкое право»; в состав регулятивного компонента международной торговой системы должны входить также соответствующие нормы внутреннего права государств и нормы *транснационального права*;

в) *функциональный*; к этому компоненту относятся методы правового и политического регулирования;

г) *идеологический*; это – различные внешнеполитические и внешнеэкономические доктрины и концепции, международное правосознание и т.п.

Таким образом, международное экономическое право (и его подотрасли) – это только часть международной *торговой* системы, международной *инвестиционной* системы, международной *финансовой* системы.

Предмет и система МЭП. Впервые по-новому определен *предмет* МЭП. К данному аспекту стоит присмотреться более внимательно, поскольку, как представляется, аналогичный подход напрашивается и применительно к МП в целом.

По мнению автора, в предметную сферу МЭП входят следующие две группы отношений – двусторонних и многосторонних:

– отношения между *публичными лицами* (субъектами МП) по поводу материальных и нематериальных благ, т.е. *ресурсов* в широком смысле слова; в этом смысле МЭП выступает как своего рода *международное ресурсное право*;

– отношения между *публичными лицами* по поводу *правового режима* транснационального движения факторов производства (товаров, инвестиций, финансов) и/или статуса *частных лиц* в экономическом взаимодействии; в этом смысле МЭП можно назвать *рамочным правом*. Именно поэтому в доктрине особое внимание уделяется категории *правового режима*. Можно говорить, что в сфере МЭО возобладал примат международного права над внутригосударственным.

Отсюда вытекает необходимость в тщательном подходе к формулировке *определения* МЭП. МЭП определяется как *система международно-правовых норм и принципов, регулирующих МЭО*.

В качестве *ресурсов* в МЭО выступают *товары* (включая *услуги, права на интеллектуальную собственность*), *инвестиции, финансы, рабочая сила*, а также материальные и нематериальные блага, которые осуществляют трансграничное движение *без встречного удовлетворения* (другими словами, *экономическая помощь*).

Вполне логично предположить, что движение каждого из указанных видов *ресурсов* регулируется в рамках соответствующей международной подсистемы своим набором международно-правовых средств. Следовательно, МЭП можно подразделить на подотрасли: международное торговое право, международное инвестиционное право, международное финансовое право, международное миграционное право, право международной экономической помощи. Вопрос вот в чем: какова степень зрелости и специфика каждой из этих подотраслей?

Международное *торговое* право представляет собой наиболее развитую систему. В нем сформировались свои – специальные, отраслевые – принципы, имеется большое число договорных источников; многие из них носят универсальный характер. Ключевой частью международного торгового права стало «право ВТО» – совокупность многосторонних международных соглашений, входящих в «пакет» ВТО. «Право ВТО» становится универсальным, императивным. Налицо приоритет/примат «права ВТО» над внутригосударственными правовыми системами государств-членов. Появляются элементы наднационального регулирования в международной торговой системе.

Международное *инвестиционное* право наиболее интенсивно развивается. Регулирование в международной инвестиционной сфере осуществляется главным образом на уровне двустороннем, региональном, межрегиональном. Однако отдельные вопросы (гарантирование инвестиций, разрешение инвестиционных споров и т.п.) понемногу выносятся на универсальное регулирование. Идет разработка Международного соглашения по инвестициям, а это будет означать универсализацию правового регулирования движения *прямых инвестиций*.

Международное *финансовое* право существенно универсализировано, однако в нем много пробелов (вопросы внешней задолженности, отмывания денег и др.). Центральным элементом международного

финансового права является «право МВФ», особенность которого – в наднациональном характере многих норм и принципов. Активно формируются региональные, межрегиональные валютные и платежные союзы. Функционируют «параорганизации» типа Парижского и Лондонского клубов. В международной финансовой системе особенно много *неправовых норм*, норм *транснационального права*, а в целом она в значительной степени несправедлива и неморальна, так как устроена к выгоде в основном группы развитых государств.

В сфере международно-правового регулирования международного рынка труда соотношение между конвенционным и обычно-правовым регулированием однозначно складывается под существенным приоритетом конвенционного метода регулирования. Роль публичных «операторов» на международном рынке труда превалирует над ролью частных «операторов». В нормативной надстройке над международным рынком труда транснациональное право отсутствует. Основопологающим принципом является принцип *взаимности*.

Предметом международного миграционного права (автором предлагается также термин *трудоресурсное, или трудовое право*) выступает международный рынок труда, на котором способность трудящихся-мигрантов к труду является товаром.

Речь идет не об отношениях найма с международным элементом (не об отношениях между нанимателем и наемным работником), а об отношениях между *субъектами МП* по поводу экспорта-импорта рабочей силы, по поводу внутренних правовых режимов, «встречающих» и провожающих» трудовых мигрантов.

Специфика здесь заключается в существенной (если не сказать *преобладающей*) роли публично-правовых отношений в нормативной надстройке, регулирующей международный рынок труда.

В то же время в этой сфере международное право (в частности, «право МОТ») глубоко проникло во внутреннее право; нормы конвенций МОТ так или иначе стали составной частью внутреннего права, охватив своим регулированием практически все важнейшие стороны внутренних трудовых отношений.

В международном миграционном праве применяются методы двустороннего и регионального регулирования. При этом в рамках интеграционных объединений прослеживается тенденция замещения метода *многостороннего* регулирования методом *наднационального* регулирования.

Право международной *экономической помощи* вряд ли пока еще можно признать полноценной, сложившейся подотраслью МЭП. Скорее, это – отрасль, которая находится в стадии становления и развития. В качестве регуляторов данной сферы выступают международные обычаи, международные договоры об экономическом, промышленном, научно-техническом сотрудничестве, об экономической, технической, гуманитарной помощи, о военно-техническом сотрудничестве, кредитные договоры, договоры о безвозмездной помощи, договоренности в форме обмена нотами, разного рода конфиденциальные договоренности и т.п. Одновременно можно отметить существенное влияние международной морали.

В механизме международно-правового регулирования экономической помощи одинаково активно применяются методы двустороннего, регионального, многостороннего регулирования, особенно посредством многосторонних международных организаций.

Следует отметить, что автор отмечает формирование в рамках МЭП (либо на пересечении МЭП с другими отраслями МП) международно-правовых институтов «права экономической интеграции», «права экономического развития» и многих других.

МЭП в системе МП. Автор делает вполне справедливый вывод, что МЭП – это сложившаяся отрасль МП, которая, тем не менее, продолжает интенсивно развиваться и усложняться. При этом МЭП, как считает профессор Шумилов, находится на переднем крае тех изменений, которые предстоят международному праву в целом.

Процессы глобализации мировой экономики связаны с движением человечества в сторону экономического федерализма: идет понижение экономических границ, и международное экономическое право оформляет постепенное ограничение экономического суверенитета государств. Усматривается некий диссонанс между такой ролью МЭП и международным правом в целом, которое в принципе направлено на защиту государственного суверенитета.

В своем регулятивном воздействии МЭП тесно связано с другими отраслями МП – с международным морским правом, международным воздушным правом, международным космическим правом. МЭП взаимодействует также и с международным административным, международным процессуальным правом.

Если обобщить наиболее характерные черты МЭП и тенденции современного международного экономического правопорядка, то общая

картина может выглядеть следующим образом.

Первое. В системе правового регулирования международных экономических отношений фактически завершено переключение акцентов с метода двустороннего регулирования на метод многостороннего регулирования. ВТО и другие многосторонние экономические организации стали главными инструментами правового регулирования международной торговли, финансовой, инвестиционной систем.

Второе. Большое число вопросов внутренней компетенции государств постепенно переходит в международно-правовую сферу регулирования, что означает расширение объектной сферы международного права. Особенно наглядно это проявляется в деятельности ВТО, в сферу регулирования которой переходят вопросы применения тарифных и нетарифных барьеров, интеллектуальной собственности, инвестиционных мер, экологических нормативов и т.п.

Третье. В международных экономических отношениях де-факто сложилась дифференциация государств в зависимости от уровня экономического развития и от степени «рыночности» экономики того или иного государства. Вся правовая система ВТО, по сути, рассчитана на государства с рыночной экономикой, что должно означать легализацию определенной дискриминации стран с нерыночной экономикой. На основе дифференциации государств по этим основаниям еще возможны крупные столкновения государственных интересов.

Четвертое. И в рамках ВТО, и за пределами системы ВТО имеют место дифференцированные правовые режимы в разных секторах международных экономических отношений. Например, в системе ВТО фактически сложилась мировая зона свободной торговли авиатехникой на основании Соглашения о торговле авиатехникой, а за пределами системы ВТО существует группа так называемых международных товарных соглашений.

Пятое. Произошло и происходит укрепление международно-правового режима МЭО. На протяжении срока действия ГАТТ-47 от государств-участников требовалось, чтобы нормы ГАТТ были максимально совместимы с внутренним законодательством; тем самым исходным принципом был принцип приоритета норм внутреннего права. В системе ВТО (в ГАТТ-94) государства-участники обязаны привести свое внутреннее право в соответствие с международно-правовым режимом, действующим в системе ВТО. Таким образом, исходным принципом является принцип приоритета международно-правовых норм.

Шестое. Большое место в правовом регулировании МЭО занимают нормы так называемого «мягкого права», международных обычных норм, обыкновений. Всё это, с одной стороны, придаёт необходимую гибкость существующему правопорядку, с другой стороны, ослабляет эффективность права как системы.

Седьмое. В системе ВТО и через международные договоры/обычаи произошла легализация преференций, предоставляемых друг другу государствами в рамках экономической интеграции. Интеграционные объединения становятся «локомотивами» экономической силы на макроуровне, тогда как крупные транснациональные предприятия (ТНК) давно уже являются локомотивами экономической силы на микроуровне. С их помощью происходит слом, перестройка существовавшего многостороннего баланса государственных и групповых интересов.

Восьмое. В международных экономических отношениях заметно проявляется явление «наднациональности». Наднациональная функция права в условиях формирования единого мирового хозяйства – это объективный этап в развитии систем правового регулирования. Речь идет о переходе от метода многостороннего регулирования к методу наднационального регулирования.

Девятое. Главная проблема в МЭО – это господство экономической силы развитых государств, это неразборчивое применение государствами экономических санкций на основании собственной квалификации юридических фактов. Зачатки решения этой проблемы имеются в ВТО в форме установленных процедур урегулирования споров. Однако этого пока явно недостаточно.

Десятое. Образование единого мирового экономического пространства проходит на фоне борьбы государственных стратегических интересов отдельных государств и групп государств. Главное современное противоречие – между международным разделением труда и государственной формой существования современных обществ, между групповыми интересами государств и общечеловеческими интересами.

Естественно, что все отмеченные процессы и явления в МЭО в той или иной степени отражаются в МП/МЭП, опираются на него или требуют своего оформления в нем.

Метод МЭП. В рецензируемом двухтомнике особое внимание уделяется такой малоизученной в науке МП/МЭП проблематике, как *метод МЭП*. Приводятся различные классификации методов.

Методы МЭП (будучи, впрочем, зачастую и методами МП в целом)

во многом определяют, какой тип правового режима будет функционировать в той или иной сфере отношений. Так, с точки зрения воздействия на субъектов, государства активно применяют такие методы, как запрет, обяызование и дозволение. С точки зрения целей и интересов, государства предпочитают либо координационный, либо субординационный методы регулирования. Внутри международных организаций государства принимают решения методами консенсуса, большинства, квалифицированного большинства, взвешенного голосования. С точки зрения нормативной жесткости, государства выбирают между методами использования рекомендательных, диспозитивных или императивных норм. Вполне различимы (особенно в МЭП) методы двустороннего, многостороннего и наднационального регулирования.

В отдельных отраслях МЭП могут быть свои – специальные, отраслевые – методы регулирования, например в международном торговом праве – метод потоварного или посекторального регулирования товарных рынков.

Набор методов правового регулирования МО/МЭО более широк. Международная нормативная система воздействует на реальность как *международно-правовыми*, так и *неправовыми* нормами. Само международное право воздействует методом регулирования как посредством *договоров* (в том числе межведомственных), так и посредством *международных обычаев*. Можно говорить о методе регулирования посредством транснационального права.

В качестве еще одной группы методов можно выделить метод разграничения (перераспределения) компетенции между государствами и международными организациями, метод подразумеваемых полномочий международных организаций.

Методами воздействия на всю систему МО/МЭО целиком являются методы учреждения международных организаций, создания интеграционных (таможенных, платежных, валютных, экономических и т.п.) союзов.

Воздействие на нормативную систему и на внутреннее право осуществляется методами: унификации международно-правовых норм, унификации норм внутреннего права, конвергенции внутренних правовых режимов, вхождения МП/МЭП во внутреннее право и др.

Развитие международного процессуального права обогащает механизм международно-правового регулирования новыми средствами (инструментами).

Правильный выбор тех или иных средств (методов) правового регулирования обеспечит нужную степень эффективности воздействия на действительность – на объект регулирования.

О субъектах МЭП. Казалось бы, в вопросе о субъектах МП и, следовательно, МЭП (как отрасли МП) все возможное уже было сказано. Существует несколько подходов в этом вопросе: а) субъектами МП/МЭП считаются только *публичные лица*; б) субъектами МП/МЭП являются как *публичные*, так и *частные* лица. Однако в доктрине профессора Шумилова эти два на первый взгляд противоборствующих подхода практически объединены одной идеей – идеей формирования зачатков системы Глобального права.

Суть рассуждений примерно такова. Первичными субъектами МЭП являются *государства*; производными – *международные* (межгосударственные, межправительственные) организации.

В современных условиях происходит легализация существовавшей де-факто дифференциации государств. Эта дифференциация проходит, как минимум, по двум основаниям: по степени экономического развития государств и по степени «рыночности» их экономики. При этом налицо тенденция все возрастающего участия государств в международных *частноправовых* отношениях (в «диагональных» правоотношениях), прежде всего в финансовой, инвестиционной сфере. Государство не должно исходить из того, что существует презумпция государственного иммунитета в такого рода отношениях.

Публично-правовая сфера МЭО регулируется посредством МЭП, а *частноправовая* – посредством внутригосударственных правовых систем, международным частным правом. Но мы помним (как вытекает из определения *предмета* МЭП): внутригосударственные *правовые режимы* в сфере МЭО также находятся под «контролем»-регулированием МЭП.

В МЭП возрастает роль международных организаций. Выявляется некоторое различие в объеме правосубъектности международных организаций *вообще* и международных организаций *экономического профиля*. Для последних в большей степени характерны такие механизмы принятия решений, как *взвешенное голосование*, принятие решений *большинством голосов* (а не *консенсусом*). Они имеют широкие нормотворческие и «квази-судебные» полномочия.

Среди международных организаций особо выделяется специфическая группа *международных организаций, являющихся механизмами управления экономической интеграцией*.

В новой доктрине МЭП следующим образом классифицируются договорно-институциональные формы интеграционных межгосударственных объединений:

- *зона свободной торговли*; при данной форме интеграционного объединения отменяются таможенные пошлины в торговле между странами-участницами при сохранении каждой из них *национальных* таможенных тарифов в торговле с *третьими* странами;

- *таможенный союз*; в этом случае вводится *единый* таможенный тариф по отношению к *третьим* странам;

- *общий рынок*; отменяются таможенные пошлины и нетаможенные барьеры при перемещении товаров внутри группы интегрирующихся государств; при этом *общий* рынок может в течение определенного периода существовать лишь в отдельных товарных секторах (например, общий рынок угля и стали);

- *экономический союз*; характеризуется свободным перемещением внутри группы интегрирующихся государств товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, финансов, единой внешнеэкономической политикой, усилением и расширением сферы «наднационального» метода регулирования; составными частями *экономического* союза могут стать *валютные, кредитные* союзы и т.п.;

- *единое экономическое пространство*; характеризуется соответствующей политической надстройкой, единой валютой, тенденциями конфедеративного устройства.

При этом не обязательно, чтобы процесс интеграции развивался именно в такой последовательности. Указанные интеграционные формы могут «наслаиваться» друг на друга или включать одна другую.

Наиболее выражена пока *региональная интеграция* в основных «центрах экономической силы» – в Европе, Северной и Южной Америке, Азии. Однако все активнее устанавливаются связи уже между региональными интеграционными объединениями, а это – проявление универсальной (глобальной) интеграции.

Для *простого* международного экономического сотрудничества преобладающим методом международно-правового регулирования является *метод координации*, а для *экономической интеграции* – *метод субординации*.

Логика экономической интеграции ведет, таким образом, к *экономическому федерализму*, который предполагает, что создание между государствами единого рынка должно проходить на основе глубокой

гармонизации всей совокупности условий производства и циркулирования лиц, товаров и услуг. Такая гармонизация может иметь место, только если государства согласны с необходимостью передачи компетенции, то есть с необходимостью ограничения суверенитета в пользу органов экономической интеграции.

Кроме того, автор совершенно справедливо обращает внимание на возрастающую роль *неправительственных* международных организаций в современных МЭО.

Однако факт, что основными участниками в международных экономических правоотношениях являются *частные лица*, главным образом юридические лица, и прежде всего транснациональные корпорации (многонациональные предприятия).

Применительно ко *всем* участникам МЭО (и *публичным*, и *частным* лицам) используется термин *операторы* МЭО, или *субъекты МЭО*. Но в этом – втором – случае следует отличать термин «субъект МЭО» от термина «субъект МЭП».

Доктрина в целом исходит из традиционной позиции, что в круг субъектов МЭП не включаются *частные лица*. Но вот здесь-то и начинают «работать» авторские оговорки.

Если поставить знак равенства между понятиями *участника* международных правоотношений и *субъекта* МП/МЭП, то в этом случае частные лица – субъекты МП/МЭП: обладание ими некоторыми правами на основе международного права иногда считается достаточным основанием для признания за частными лицами статуса субъектов МП.

Разница лишь в том, что государства – субъекты МП, наделенные таким статусом *объективным* правом; физические лица – «субъекты МП», реализующие *субъективные* права и обязанности. При такой постановке вопроса частных лиц в международном экономическом праве можно было бы признать субъектами МЭП.

В то же время, как считает профессор Шумилов, на сегодняшний день для полноценного признания частных лиц в качестве субъектов МП/МЭП не хватает двух обстоятельств:

1. физические лица должны быть признаны в качестве субъектов МП/МЭП самими «творцами права», т.е. государствами, международными организациями или «надгосударственными структурами»;

2. нормы права, созданные государствами, международными организациями или «надгосударственными структурами», должны распространяться на частных лиц *непосредственно*, то есть НЕ через внут-

ренное право (и такие примеры появляются: соглашение ГАТС, скажем, предусматривает непосредственное действие в отношении «поставщиков услуг»).

Однако право, в котором реализуются эти два условия, уже не будет собственно *международным правом* в современном его понимании. Это-то и будет «новое» – *Глобальное*, по автору, *право*, сферой регулирования которого будут и публично-правовые, и частноправовые отношения. Идея Глобального права, выдвинутая профессором Шумиловым, снимает много теоретических проблем и дает толчок многим, казалось бы, противоположным, концепциям.

О концепции Глобальной правовой системы. Несмотря на все противоречия и проблемы в системе «МРТ – МЭО – МЭП», просматриваются, согласно предложенной доктрине, некоторые признаки зарождения зачатков *глобальной правовой системы*.

Взаимопроникновение международного и внутреннего права, усиление метода наднационального регулирования, развитие транснационального права, появление международно-правового института «общего наследия человечества» и т.п. – всё это проявления одной тенденции.

«Глобальная правовая система» будет состоять, таким образом, из:

- *наднационального права*;
- *международного права*;
- *внутреннего права* государств;
- *транснационального права*.

В *глобальном праве* человечество (международное сообщество) как единое целое приобретает правосубъектность, становится самостоятельным субъектом права. Оно руководствуется общечеловеческими интересами.

Само глобальное право призвано обслуживать своим регулированием все сферы общественных отношений, а его экономическая отрасль – единое мировое экономическое пространство (на всех уровнях).

Явление наднациональности возникает в тех случаях, когда субъект МП получает возможность обязывать своими конкретными действиями (решениями) стоящие у его истоков государства, не заручаясь их согласием на это в каждом отдельном случае, т.е. приобретает в отношении них определенный объем самостоятельных распорядительных полномочий. Признаки наднациональности присутствуют в уставной

правосубъектности ряда международных организаций регионального и универсального характера, в механизмах правового регулирования интеграционных процессов (в частности в рамках ЕС).

Некоторые из таких признаков состоят в том, что:

- внутреннее право наднационального объединения становится внутригосударственным правом его членов;

- внутреннее право наднационального объединения творится органом, действующим юридически неподконтрольно государствам-членам и принимающим обязательные для государств решения вне зависимости от отрицательного к ним отношения со стороны одного или нескольких государств; при этом соответствующие вопросы полностью или частично изымаются из их ведения;

- международные чиновники, участвующие в органах наднациональных объединений, выступают в личном качестве, а не как представители государств;

- решения принимаются органами наднациональных объединений большинством голосов, путем пропорционального (взвешенного) голосования и без непосредственного участия заинтересованных стран.

Наднациональность выступает как СПОСОБ единообразного регулирования определенной области жизни государств, заключивших между собой с этой целью соответствующее соглашение. Наднациональность, с одной стороны, носит функциональный характер (является функциональным обрамлением объединительных тенденций, выражением практической взаимозависимости государств) и не выходит за пределы поля их влияния, а, с другой стороны, имеет самостоятельное бытие, независимое в известных пределах от первоначальной воли государств.

В таком понимании *наднационального регулирования* «наднациональными» категориями можно признать, например, такую искусственную коллективную резервную валюту, используемую в рамках Международного валютного фонда, как *специальные права заимствования* (СДР). Наднациональное регулирование – это некий промежуточный этап на пути к «мировому федерализму».

Под «транснациональным правом» (термин был предложен Ф. Д-жессепом) понимается совокупность правовых норм, регулирующих «действия или события», выходящие за пределы национальных границ, или, точнее, – отношения международного характера, которые по своему субъектно-объектному составу не подпадают под действие ни

международного права, ни внутригосударственного права, не могут быть ими полностью охвачены.

В связи с этим транснациональное право рассматривают в качестве «третьей правовой системы» (после внутригосударственного права и МП). Имеет смысл юристам-международникам присмотреться к данной концепции, использовать ее в теоретическом развитии международно-правовой науки.

Ход рассуждений здесь таков. В эпоху глобализации многонациональные предприятия (транснациональные корпорации, банки, биржи – ТНК/ТНБ) фактически выступают в сфере МЭО в качестве конкурентов государств. Они создают, по сути, свою собственную, автономную экономическую систему, и это сказывается на межгосударственном экономическом порядке.

Многонациональные предприятия формируют и оформляют свои собственные – транснациональные – интересы, которые, кстати, не всегда совпадают с государственными интересами (например, интересами государств, в которые производятся инвестиции).

Многонациональные предприятия являются главными «операторами» в международной финансовой, инвестиционной системе, в международной торговле. Деятельность многонациональных предприятий, в основном транснациональных банков, стояла у истоков зарождения и интенсивного развития *еврорынков* (евровалют, еврооблигаций, евровекселей), составляющих в наши дни основу международной финансовой системы.

Современные государства, используя силу и мощь многонациональных предприятий, оставляют им в своей правовой системе широкую свободу действий в «освоении» мирового экономического пространства. В качестве главного способа регулирования их деятельности во внутреннем праве государств применяется так называемый *общедозволительный* режим, при котором «разрешается все, кроме прямо запрещенного».

В рамках предоставленной свободы многонациональные предприятия активно создают «собственную» правовую систему, вступая в договорные отношения друг с другом или с государствами («диагональные соглашения») в целях контроля над отдельными товарными/финансовыми/инвестиционными рынками, источниками необходимых ресурсов, обеспечения порядка в этой самой «сфере общего дозволения».

В то же время в международном праве применительно к многонациональным предприятиям нет необходимых рычагов регулирования; международное право в этом смысле пробельно либо также исходит из принципа *дерегулирования*, т.е. фактически из того же *общеизвестного правового режима*.

Транснациональное право – это нормы, которые заполняют сферы общего дозволения как во внутреннем праве, так и в международном праве. Такова идея профессора Шумилова. И, следовательно, транснациональное право в таком его понимании становится необходимым звеном для обеспечения правопорядка в международной системе, и прежде всего в МЭО, силами самих «операторов».

При этом естественно «сильные государства» зачастую используют требование *дерегулирования* в своих государственных интересах. В тех сферах, где национальные ТНК/ТНБ обладают достаточно мощной силой, приоритетом на международном рынке (например, американские авиапредприятия – на международном рынке авиауслуг; европейские банки – на рынке финансовых услуг), государство проводит политику «дерегулирования», уменьшения степени государственного присутствия, воздействия. Такая политика, как правило, навязывается и вовне – государствам, предприятия которых на данном международном рынке пока еще не столь сильны.

О принципах МЭП. Еще одним важным аспектом доктрины В.М. - Шумилова является взгляд на систему принципов МП/МЭП. Следует отметить, что автор доктрины выявил *экономическое* содержание *общих* принципов МП, что само по себе представляет теоретический интерес. Однако, помимо этого, в книге выделяются специальные принципы МЭП и даже принципы подотраслей МЭП. Принципы МЭП как отрасли, а также принципы подотраслей МЭП являются системонесущими элементами.

Ряд принципов МЭП автор выделил в *особую* группу специальных принципов: принцип наибольшего благоприятствования, принцип предоставления национального режима, принцип экономической недискриминации и др. В этом заключается новизна идеи.

Особенность данных принципов, по мнению автора, заключается в том, что они являются *методом сопоставления и уравнивания условий, способом организации отношений*, технико-правовым инструментарием или, другими словами, своего рода «трафаретами», «стандартами». Это – *принципы-методы*, хотя и одновременно *содержатель-*

ные нормы. С этой точки зрения данные «стандарты» – универсальны, они являются «принципами» всего международного права.

Так, принцип наибольшего благоприятствования требует уравнивания условий в сравнении с *наилучшими* условиями, а вот сфера применения этого *метода* (например, в тарифной сфере) может оговариваться сторонами в двустороннем или многостороннем соглашении, а может вытекать из международного обычая.

«Стандарт» наибольшего благоприятствования присущ международному праву как один из *методов* правового регулирования. Сфера применения этого «стандарта» (либо исключений из него) определяется в источниках МП/МЭП.

Применение принципа наибольшего благоприятствования (ПНБ) в области таможенно-тарифного обложения на двусторонней и многосторонней основе привело к тому, что он фактически стал в этой сфере императивным (когентным).

В то же время, по мере того как в рамках ВТО снижается средний уровень таможенного обложения товаров в международной торговле, соответственно снижается и значение ПНБ для этой сферы МЭО. Однако это не исключает данный принцип из других сфер МЭО (и международных отношений), где его роль как метода уравнивания условий остается по-прежнему важной. В нетарифной сфере степень императивности ПНБ несколько ниже.

Общепризнанными, универсальными императивными можно считать также нормы обычно-правового и договорного характера, в соответствии с которыми легализованы правомерные исключения из сферы действия ПНБ.

Возрастает роль и значение *принципа предоставления национального режима*. Данный принцип содействует конвергенции правовых систем разных государств, которая прослеживается в мире.

Особое внимание автора обращено на международно-правовой *принцип взаимности*. Возможен двоякий подход к механизму принципа взаимности.

С одной стороны, взаимность понимается как *формально-юридическое* равенство в правах, обязательствах, условиях. С другой стороны, взаимность понимается как равенство, равноценность *материальных выгод*.

В МЭП *материальная взаимность* достижима не всегда: невозможно, например, обеспечить полную равноценность выгод от взаимного

предоставления национального режима в отношении товаров или инвестиций. Материальную взаимность можно квалифицировать как частный случай взаимной выгоды, но отнюдь не единственный и не главный.

В качестве принципов международного *инвестиционного* права В.М. Шумилов выделяет: принцип свободы экспорта инвестиций; принцип свободы применения защитных мер при импорте инвестиций; принцип защиты инвестиций; принцип «территориальности» регулирования иностранных инвестиций; принцип государственного и международного контроля за движением инвестиций; принцип ненанесения ущерба инвестициями экономике принимающей страны; принцип недопущения экспроприации/национализации иностранных инвестиций без соответствующей компенсации; принцип свободы перевода доходов и дивидендов от инвестиций за пределы страны базирования; принцип суброгации; принцип устранения двойного налогообложения; принцип недискриминации; ПНБ; принцип предоставления национального режима и др.

В качестве специальных принципов международного *финансового* права выделяются: принцип свободы участия частных лиц на международном валютном рынке в соответствии с национальным законодательством; принцип равновесия платежных балансов; принцип свободы выбора валютного курса под контролем МВФ; принцип запрета на использование девальвации в качестве средства конкурентной борьбы на товарных рынках; принцип свободы выбора платежно-расчетных систем в двусторонних отношениях при нанесении ущерба международной финансовой системе; принцип возврата (погашения) государственных внешних долгов; принцип недискриминации при предоставлении кредитов; принцип льготного кредитования развивающихся стран; принцип совместных действий по недопущению финансовых кризисов (в том числе путем взаимодействия с МВФ); принцип оказания финансовой помощи в случае финансового кризиса; принцип гарантирования в отношении финансовых рисков и др.

В качестве специальных принципов международного *миграционного* права выделяются: принцип государственного суверенитета в отношении правового режима иммиграции; принцип государственного контроля за правовым режимом в отношении гражданина-мигранта на иностранном рынке труда; принцип государственной защиты граждан-мигрантов; принцип равенства условий труда; принцип запрета на

принудительный труд; принцип запрета нелегальной трудовой миграции; принцип запрета на демпинг рабочей силы; принцип свободы предоставления частными лицами услуг в соответствии с внутренним законодательством; принцип взаимности и др.

Об экономической безопасности. Главная проблема для современных МЭО с точки зрения правопорядка – это реально заменить господство экономической силы господством права. В настоящее время экономическая сила применяется:

1. как контрмера в случае правонарушения;
2. как правонарушение.

А вот отделить одни случаи применения силы от других, правильно квалифицировать имеющиеся юридические факты удастся не всегда. Главным образом, из-за «пробелов» в МЭП.

Когда-то аналогичная ситуация существовала в общем МП. Главный недостаток системы Лиги Наций состоял в том, что государства в каждом конкретном случае самостоятельно решали, имело ли место нарушение Устава Лиги Наций и следовало ли применять контрмеры.

В системе ООН этот недостаток применительно к международному миру и военной безопасности был устранен, так как только СБ ООН призван определять наличие нарушения мира угрозы миру, акта агрессии и принимать решения о контрмерах.

Что же касается системы современных МЭО, то здесь как раз не существует аналогичного многостороннего механизма, который регулировал бы применение мер экономического принуждения, их соразмерность правонарушению, констатировал и квалифицировал бы факты неправомерного применения экономической силы.

В результате государства самостоятельно и произвольно применяют санкции в сфере МЭО, а отсюда – отсутствие правопорядка, угроза международной экономической безопасности.

Следовательно, перед МЭП стоит двуединая задача:

1. обеспечить правомерное применение принудительных мер экономического характера в рамках института международной ответственности;
2. обеспечить правовыми средствами корректировку системы МЭО в сторону более справедливого распределения между государствами выгод от международного экономического сотрудничества.

Эти задачи, надо признать, решаются (хоть и медленно) в ряде международных организаций, в частности в ВТО.

О теории государственного интереса. Профессор Шумилов подчеркнул взаимосвязь между развитием всей международной нормативной системы с действием *государственных интересов* и даже сформулировал нечто вроде *теории государственного интереса* применительно к нуждам международно-правовой науки.

Главный «интерес» государства как явления состоит в том, чтобы: а) сохранить целостность общества, обеспечить правопорядок; б) дать обществу необходимые регулирующие механизмы (право), т.е. обеспечить функционирование общества; в) обеспечить общество *экономическими ресурсами* – при необходимости привлекая для этого внешние ресурсы.

Очевидно, что, с точки зрения носителей социальных «интересов», интересы можно подразделить на интересы индивидуальные (частные, личные), групповые (в том числе классовые, кастовые, институциональные), национальные/этнические (в том числе родовые, племенные, тейповые), общественные, *государственные*.

Государственный интерес – это результирующая интересов нации, общества и его слоев/страт, а также индивидуальных интересов. Чем лучше, эффективнее государство отражает эти интересы, тем оно прочнее и стабильнее.

В научной литературе и в политической практике в качестве синонима термина «государственный интерес» часто используется термин «национальный интерес».

К понятию «интереса» тесно примыкают такие категории, как «потребность», «цель», «ценности». Так, для удовлетворения *потребности* государства в недостающих ресурсах служит *интерес* в поставках сырья извне, и наоборот, для удовлетворения потребности в реализации продукции служит интерес в поставках её на экспорт.

Интересы выражают *пути и способы* удовлетворения потребностей. Другими словами, *интерес* – это *отношение* к своим потребностям.

Часто бывает, что известны потребности, но не ясно, что делать, как удовлетворить эти потребности. Это означает, что не осознаны, не сформулированы интересы, не отстроена система, иерархия интересов. Именно такая ситуация, похоже, имеет место в современной России как во многих вопросах внутри страны, так и в её взаимоотношениях с другими государствами, в том числе в сфере МЭО.

Главную потребность современного общества – поддерживать условия жизнедеятельности самого общества и его составных частей –

сегодня невозможно удовлетворить без межгосударственного взаимодействия.

Значит, объективный интерес практически любого современного государства состоит в том, чтобы участвовать в межгосударственном общении, в международных экономических отношениях. Внешние интересы в конечном счете ставятся на службу внутренним.

Ценностные ориентации задают соответствующие системы интересов. Не случайно для каждого государства, для государств того или иного цивилизационного типа (например, западных и восточных государств) существует своя иерархия ценностей. Цивилизационные отличия должны находить отражение в международном праве, а применительно к МЭО – в международном экономическом праве. Однако в действительности это представляет собой одну из проблем: глобализация мировой экономики фактически идет по одному (западному) образцу.

Главной ценностью, с точки зрения МЭО, для всех ведущих государств являются на сегодня *ресурсы* – материальные, нематериальные, инвестиционные, финансовые и т.п., – позволяющие государствам обеспечивать функционирование своих национальных экономик. Вокруг этих *ценностей* и разворачивается главная «борьба интересов» – государственных и частных.

Интересы государств в сфере МЭО заключаются в привязке к своей экономике источников сырья, в обеспечении доступа к ресурсам, в контроле над рынками, в гарантировании сбыта своей продукции. Интерес состоит также и в том, чтобы в максимально возможной степени воплотить свои экономические стратегические интересы в правовые нормы. Следовательно, *государственные интересы и международное право* – это тесно связанные между собою понятия.

Если представить, что за каждым государством стоит совокупность самых разнообразных интересов, то вся сфера межгосударственного общения предстает как столкновение, поглощение, состыковка, переплетение интересов.

С точки зрения носителей того или иного интереса различаются:

- интересы государственные (одного государства);
- интересы групповые (нескольких государств, в том числе государств одного цивилизационного типа);
- интересы международного сообщества в целом (общечеловеческие).

Соответственно интересы *государственные* можно подразделить на:

- интересы внутреннего развития (*внутренние*);
- интересы государства как субъекта МО (*внешние*).

С точки зрения предмета, государственные интересы достаточно условно подразделяются на *интересы*:

- экономические;
- политические;
- территориальные;
- правовые;
- интеллектуальные (духовные, социокультурные).

Можно различать интересы *тактические* и *стратегические*; *долгосрочные*, *среднесрочные* и *краткосрочные*; нашедшие отражение в праве и не закрепленные в нем. При этом следует принимать во внимание, во-первых, условность самой классификации; во-вторых, возможность трансформации интересов из одного вида в другой; в-третьих, существующие зачастую различия между объективным интересом и тем, как он понят, осознан, сформулирован, подается вовне; в-четвертых, одновременное присутствие многих видов интересов в каждой практической – даже очень узкой – сфере отношений.

Рольевые функции «государственного интереса» могут быть различными. Так, не закрепленный в праве интерес «толкает» государства на волевые действия; в этом случае «интерес» выступает как *мотив* тех или иных действий.

С другой стороны, будучи «заложен» в правовую норму, интерес реализуется вместе с нормой в конкретном правоотношении; в этом случае «интерес» выступает как *часть правоотношения*.

И, наконец, законный интерес может порождать, изменять или прекращать правоотношения; в этом случае «интерес» выступает как *юридический факт*.

Именно государственный интерес «запускает» волю государств, направляет её на формирование международно-правовой нормы. Нормы МП являются согласованным оформлением *воли* государств. Воля государств направляется осознанными *интересами*; именно интересы двигают волю.

В принципе интересы – это сфера *политики*, а не права. Политика осознает, формулирует и обслуживает интересы, она их продвигает и обеспечивает. Можно сказать, что политика – это сфера, где обитают интересы. Однако именно политика «закладывает» интересы в право.

В свою очередь, право во всех случаях задает рамки, в которых политика может/обязана маневрировать, и тем самым через дальнейшее развитие все более ограничивает свободу политических действий. Отсюда следует важность осознания российской правовой наукой и практикой категории *государственного интереса*.

Без осознания государственных интересов невозможно ни прогнозировать ситуации, ни планировать собственное развитие, ни управлять общественными процессами, ни «встраивать» Россию в систему МЭО.

Прогноз развития МЭП. Системный подход к изучению межгосударственных связей является неременной составляющей современного миропонимания, научной методологии. С этой точки зрения В.М. Шумилов и подходит к тенденциям развития МЭП в XXI веке.

Автор обращает внимание, что в настоящее время идет перестройка центросиловых отношений на едином пространстве взаимной экономической зависимости, осознание не только государственных интересов, но и общих интересов международного сообщества (чему способствуют также и глобальные проблемы человечества). Происходит постоянное столкновение и переплетение интересов и воль государств, возникают и разрешаются «узлы противоречий» и «зоны концентрации государственных интересов». Государства вступают в союзы, содружества, интеграционные объединения, решают вопросы в международных организациях/международных экономических организациях.

В связи с этим меняются приоритеты и акценты в политике, что находит отражение и закрепление в системах внутригосударственного права, в двусторонних и многосторонних международных договорах, решениях международных организаций/международных экономических организаций.

Объектная сфера международных экономических отношений включает в себя не только товарообмен, как когда-то, а и перемещение товаров, услуг, финансов, инвестиций, рабочей силы.

В международной торговле сокращается удельный вес сырьевых товаров, постоянно возрастает сектор услуг. Совершенствуется всемирная инфраструктура – транспортные системы, сеть информационных коммуникаций. ТНК знаменуют собой переход от «потоварного» (предметного) разделения труда к «технологическому» разделению труда.

В конкурентной борьбе на мировых рынках и за мировые рынки активно участвуют и государства. Остроту этому придаст и то обстоятельство, что в XXI веке будут исчерпаны многие виды природных ресурсов. Меняется экономическая функция государства.

Опираясь на выявленные тенденции в МЭО, автор прогнозирует основные направления развития МП/МЭП как «надстроечной части» над международным экономическим пространством.

В частности, В.М. Шумилов отмечает, что:

- сегодня МП – это уже не просто МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ право, призванное «стыковать» национальные интересы государств. МП во все большей степени превращается в право МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА, стоящее на страже общих – «надгосударственных» – интересов человечества;

- МП в XXI веке будет развиваться как «право экономического сотрудничества и развития». Это смещение акцентов на практике означает существенные видоизменения в системе МП/МЭП, появление новых правовых институтов, отраслей и механизмов регулирования. В работе действующих универсальных международных организаций будет возрастать доля экономической тематики, в ряде международных организаций (например, в системе ООН) произойдет крупная организационная перегруппировка или корректировка функций, компетенции, расстановки сил;

- из сферы регулирования внутригосударственного права в сферу регулирования МП будут переходить вопросы, связанные с трансграничным перемещением лиц, товаров, услуг, инвестиций, рабочей силы. Выбирая средства и пути регулирования экономики, государства все чаще будут делать это не через внутреннее право, а через МП. Появятся новые многосторонние – региональные и универсальные – договоры по всем этим вопросам. Усилятся и усложнятся структурирование системы МП. Возрастет значение кодификации и унификации права;

- будут упорядочены процессы нормообразования и правоприменения в МЭП, в том числе процедуры применения санкций; возникнут надгосударственные механизмы (способы) принуждения государств;

- получают свое развитие и оформление такие, в частности, новые отрасли МП, как *международное процессуальное право* и *международное административное право*;

- продолжится формирование *глобальной правовой системы*;

- продолжится развитие и укрепление «права ВТО», «права МВФ»,

«права МОТ». Появятся новые универсальные международные организации экономического профиля (например, для реализации Многостороннего соглашения по инвестициям). В их рамках расширятся комплексы императивных, наднациональных норм;

– наиболее быстрыми темпами будет становиться наднациональным «право интеграции». Именно в нем будет активно осуществляться взаимодействие комплексов международно-правовых, наднациональных, транснациональных норм и норм внутреннего права.

Институциональной основой для управления единым глобальным экономическим пространством будут служить 3–5 межрегиональных интеграционных союзов, связанных друг с другом правовыми и неправовыми нормами. Через интеграцию государства идут к экономическому федерализму.

Каждый интеграционный союз будет представлять собой в свернутом виде и таможенный союз, и платежный союз, и валютный союз, и экономический союз. Региональное и межрегиональное экономическое пространство в рамках каждого такого союза будет обслуживаться одной единой валютой;

– в качестве организационной надстройки над интеграционными союзами будет создано (или постепенно преобразовано из «Группы 8» (G-8)) нечто вроде Совета Экономической Безопасности Объединенных Наций – как центр состыковки блоковых интересов;

– произойдет институционализация (скорее всего, на смешанной основе: с участием субъектов публичного и частного права) Лондонского и Парижского клубов кредиторов как мировых центров решения долговых проблем. Система МВФ-МБРР претерпит определенную – и существенную – корректировку;

– продолжится корректировка экономической функции государств в двух направлениях: с одной стороны, государства будут утверждать либеральную (рыночную) экономику с высокой степенью свободы действий частных лиц, во внутреннем хозяйственном/гражданском законодательстве будут преобладать диспозитивные методы регулирования; с другой стороны, государства все активнее включатся в управление экономическими процессами на макроуровне;

– государства будут все активнее вовлекаться в международные частноправовые отношения – наравне с частными лицами. Расширится сфера взаимодействия государств и частных лиц (особенно ТНК/ТНБ). Уже сегодня и государства, и частные «операторы» МЭО – субъекты

транснационального права. Окончательно утвердится презумпция отсутствия государственного иммунитета в такого рода взаимодействиях.

В сферу МЭО в качестве субъектов транснационального права активно будут выходить также неправительственные международные организации, субъекты федераций, административно-территориальные единицы государств, органы местного самоуправления;

– усилится унификация, конвергенция внутренних правовых режимов. МЭП будет быстро становиться частью внутреннего права: посредством введения (трансформации) общего международного права через конституции; путем имплементации норм международных договоров, обычно-правовых норм, норм «права международных организаций»;

– сложившаяся система международного разделения будет видоизменяться под давлением общечеловеческих интересов в сторону преодоления разрыва в уровнях экономического развития государств и справедливого доступа к выгодам МРТ;

– продолжится развитие структуры МЭП. Наиболее быстрыми темпами будет продолжена эволюция международного инвестиционного права. С принятием Многостороннего соглашения по инвестициям, работа над которым идет в ОЭСР, произойдет качественный сдвиг в этом направлении;

– усилится воздействие на реализацию государственных экономических интересов таких факторов, как *немежгосударственная сфера* отношений и *международное экономическое правосознание*;

– Россия сформирует на своем цивилизационном пространстве блоковые интересы, оформив их соответствующим интеграционным союзом. Посредством этого интеграционного союза Россия должна войти в систему правового регулирования МЭО как один из центров экономической силы.

Как видно из изложенного, доктрина профессора В.М. Шумилова носит комплексный, системный характер. Она охватывает целиком такое важное направление современной международно-правовой науки, как *международное экономическое право*. Теперь открываются возможности развивать эту доктрину практически по всем ее важнейшим направлениям.

Изданный двухтомник как раз и нацелен главным образом на подготовку специалиста (усиление его специализации) для соответствующей сферы деятельности – в правовой сфере, в сфере МЭО, в научной сфере, в сфере государственной службы и др.

Автор высказывает предложения по корректировке государственного стандарта специальности «Юриспруденция», подготовке современных учебников. В конце книги приводится авторская программа учебного курса МЭП для студентов/слушателей юридических/экономических вузов России и СНГ.

Вместе с автором – профессором В.М. Шумиловым – хочется разделить надежду, что интеллектуальных и природных ресурсов России хватит, чтобы страна могла занять достойное место в сложившейся системе международно-правового регулирования МЭО.